

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ГАЙДА, ВИВАТ!

К 80-летию народной артистки Беларуси Натальи Гайды

Еще студенткой четвертого курса Уральской консерватории **Наталья Гайда** дебютировала на сцене **Свердловского театра оперы и балета**, спела там добрый десяток ведущих партий — от **Марфы** в «**Царской невесте**» **Римского-Корсакова** и **Людмилы** в «**Руслане и Людмиле**» **Глинки** до **Мюзетты** в «**Богеме**» **Пуччини** и **Церлины** в «**Дон Жуане**» **Моцарта**. Но неожиданно для многих уехала за мужем в Минск, где спустя год службы на академических подмостках **Большого театра БССР** подалась в труппу **Музыкальной комедии**. Поклонники, а их с конца 1960-х все пребывало — и в Свердловске, и в Минске, посчитали такой поворот беспечной (слово — запомним) выходкой певицы, объявившей, что в Белорусской опере и без нее много хороших певиц на положении лирико-колоратурного сопрано, а во вновь образованной Музкомедии ей едва ли придется себя чем-то стеснять, да и с кем-то конкурировать: в новом театре все можно начать с чистого листа.

И она — начала, забыв о кокошниках и сарафанах из русских опер и отложив в сторону западные партитуры с нагромождением фиоритур и сложносочиненных каденций. Вместо покорно тающей Снегурочки и смиренной молящей отца Джильды («**Риголетто**» **Верди**) на сцене объявилась отважная разведчица **Ирина** в героической комедии **Юрия Семеняко «Поет “Жаворонок”»** — первом спектакле нового минского театра. Тут было все: партизаны и фашистские оккупанты, полесье и гестапо, советские лейтенанты и немецкие штурмбанфюреры, а в финале прямо в зрительном зале происходила встреча отряда Красной Армии с мужественными бойцами под-

Наталья Гайда. Фото Ю. Иванова

полья. Сюжет пьесы **Нины Калаптур** лихо косил под «Молодую гвардию» **Александра Фадеева**, а героиня **Натальи Гайды** певица **Ирина**, она же — фройляйн **Ирэн**, напоминала легендарную **Любку Шевцову**. Ежевечерние свои концерты на сцене кабаре она начинала одним и тем же напевом: «Я — жаворонок», давая тем самым сигнал товарищам-партизанам: «Можно действовать». И они действовали: взры-

вали мосты, бросали бомбы, жгли немецких гадов, а Ирина, мечтая о встрече с любимым — командиром партизан Дмитрием, все повторяла: «Я — жаворонок». Хор нового театра оставался неуккомплектованным, оркестр — не полным, газетчики ругали режиссера за то, что немцы в спектакле вышли колоритнее и мощнее партизан, а автора — за откровенные вирши в романсе героини («Я не птица, я певичка, / В том моя беда. / Нет, я птица, птица, птица, / Птица без гнезда... / Жаворонок, жаворонок, / Птичка неземная, / Жаворонок, жаворонок, / Птичка полевая»). Спектакль походил на откровенную копию стандартной советской музыкальной комедии, какой не один год подряд идеологи режима старались подсадить «Сильву» и «Мариц», «Мистеров Иксов» и «Фраскит» — всю венцину, бесконечно далекую от идеалов первого в мире социалистического государства. Но было в этом спектакле нечто, что извиняло промахи неопитов, несовершенства материала и банальность режиссерских приемов.

В этом спектакле была Гайда. Ее приход на опереточную сцену, счастливо совпавший со строительством нового в Белоруссии театра, произвел эффект разорвавшейся бомбы. История уже знала подобное, когда в начале 1950-х в московской «Фиалке Монмартра» дебютировала Татьяна Шмыга, но та вела преимущественно другие роли — не венских обольстительниц, не див, а больше — современниц: Тонь, Тань, Люд и Зюк. Шмыга меняла стиль на одной территории жанра, Гайда — на другой. У Шмыги за плечами был ГИТИС, Гайду в ГИТИСе прокатили, но приняли в консерваторию. Шмыга подумывала стать юристом, Гайда до вокальных классов своей alma mater окончила Свердловский юридический институт. Шмыга пела актерским голосом с самого начала, безупречная по вокальной школе Гайда свои искусные pianissimo и sforzando подчиняла актерской сти-

«Сильва». Княгиня Александра Валлерсхайм — Н. Гайда, Ферри — А. Осипец. Фото М. Коляды

хии оперетты и музыкальной комедии, не унижая академического вокала, но и не превращая его в фетиш. Гайду, которая современные роли тоже играла, сразу окрестили белорусской Шмыгой, но Шмыгу никогда не называли московской Гайдой, и все потому, что новые краски, новые интонации, новый стиль они нашли в разных пьесах, разных партитурах, разных героинях, хотя их роль в апрегреиде легкого жанра, конечно, равновелика. По сути, обе произвели революцию, но на несхожих полюсах. Совпадений в классическом репертуаре (как и в индивидуальностях) оказалось мало: **Виолетта** в «**Фиалке Монмартра**», **Розалинда** в «**Летучей мы-**

«Шалом алейхем! Мир вам, люди!». В роли Енты.
Фото С. Чигира

В роли Мэри Поппинс. Фото С. Чигира

ши» **Иоанна Штрауса**, отчасти — **Элиза Дуллитл** в «Моей прекрасной леди» **Фредерика Лоу**. Плюс несколько ролей в музыкальных комедиях.

Гайда в отличие от Шмыги была и остается героиней. За немалую свою артистическую жизнь она сыграла в пяти постановках «Сильвы» **Имре Кальмана**, и лучшей среди них, режиссерски выразившей ее восхитительную индивидуальность актрисы-звезды и актрисы-дивы оказалась версия **Вячеслава Цюпы**, осуществленная в 1986 году. Тогда все сошлось вокруг нее, собралось штрихами и нюансами, как на портрете в полный рост. Стать ее Сильвы определялась исключительно артистическим достоинством — достоинством Актрисы, для которой нет ничего важ-

нее и ценнее в жизни, чем сцена, подмостки, зрительный зал и любовь публики. «Ты — актриса, Сильва», — говорил ей тертый калач Ферри, и она гордо вскидывала голову, стряхивала с себя одним ее поворотом навалившуюся душевную муку, подавалась вперед — словно от света софитов, вспыхнувших тут же теплым светом судьбы. И кажется, вот это — «Я — актриса. Актриса. Актриса!» — она повторяла как заклинание, когда размолвка с любимым затмила театральный свет, и она, не зная, что делать дальше, опускала ладонь под струю маленького фонтанчика, чтобы услышать шипение раскаленных нервов, а оттуда, из-под бьющей в руку воды шипело: «Ты — актриса. Актриса! Актриса!!!». Тогда гордо вскидывала голову,

«Свадьба в стиле ретро». Фото С. Чигира

и свет уже никуда не плыл, а освещал дорогу, предназначенную судьбой.

По сути, тема Театра и тема актерского преобразования (перевоплощения — конечно же, тоже) стала главной в творчестве Натальи Гайды с самой первой роли — подпольщицы Ирины, подававшей с эстрады кабаре свои позывные: «Я — жаворонок». Потом была Виолетта в «Фиалке», мечтавшая в богемных кварталах Монматра о сцене, дальше — крепостная актриса **Наталья Батманова** в «Холодке» **Николая Стрельникова**. Были певица Сильва и примадонна Парижского варьете **Одетта Доримонт** в «Баядере» **Кальмана**...

Гайда, приспустив своих примадонн-героинь-див-актрис с пьедесталов и наградив их проникновенно-чувствен-

ным лирическим голосом, отказалась от маски как их вечного прототипа, заставила рефлексировать, тушеваться и переживать, а не кутаться в дорогие меха и по-опереточному вздыхать от любовных неурядиц. Все эти глянцево-стереотипы, вся эта маскарадная кукольность вкупе с бесконечными слоями грима и опертыми на диафрагму пениями-рыданиями-ламентациями были ею безжалостно изгнаны оттуда, где прирастали усилиями многих и многих жриц сцены и не вызвали уже ничего, кроме иронии и насмешки. Она поснимала со своих героинь маски и вернула им живые лица. Она дала им человеческий голос и расслышала в них пульс.

Но она смела и не переборщить, не переусердствовать, не нагрузить опе-

Наталья Гайда

ретту мхатовщиной и оперностью. Она нашла тон, манеру, меру остранения и всегда остается собой, сплетая невидимые кружева роли с помощью двух, казалось бы, непримиримых школ – представления и переживания.

Ее дар легок, по-моцартовски беспечен (повторим, наконец, припасенное слово), ее голос всегда молод и по-прежнему рвется ввысь, в ее новых «возрастных» ролях-лицах чудится прищур сыгранных давно персонажей: в **Черепаше Тортиле** («Буратино.ру» **Алексея Рыбникова**) – **Тома Кенти** и **Принца Эдварда** («Играем в Принца и Нищего» **Юлия Кима-Алексан-**

дра Журбина), в **Розе Песочинской** («Свадьба в стиле ретро» **А. Журбина**) – **Джулия Ламберт** («Джулия» **Владимира Кондрусевича**), в **Енте** («Шалом алейхем! Мир вам, люди!» **Олега Ходоско**) – **Долли Леви** («Хэлло, Долли!» **Джерри Германа**).

На сцене Белорусского музыкального театра Наталья Гайда без года **50 лет**. Ассоциация музыкальных театров России удостоила ее приза «**Легенда**» в 2017 году.

Сергей КОРОБКОВ